

НАЧАЛО

У всех историй, даже самых обычных и скучных, есть начало. Так устроен наш мир. Ни одна история — будь то детская сказка, эпическая сага, анекдот, рассказанный за обедом, или сообщение в телефоне — не существует в пустоте. Все откуда-то начинается.

Эта история началась под огромным дубом. Неважно, где он рос. (Может, во Флориде, или в Кентукки, или в Колорадо.) Неважно, какая была погода. (Может, шел снег, или светило солнце, или стояло безветрие.)

Что было важно — и важно до сих пор — это две маленькие головки, склоненные друг к другу под дубом. Прямые волосы девочки, собранные в хвостики, путались в кудряшках мальчика. Ребята наблюдали

за городом, который они метко назвали Улиткоградом.

— Фредрик пропал, — грустным голосом произнесла девочка.

— Не-а, — ответил мальчик, поднимая грязными пальцами белую ракушку. — Вот он.

— Это не Фредрик. У Фредрика сверху трещинка.

— Неправда, — возразил мальчик.

— Правда, — сказала девочка.

Мальчик подался вперед и положил улитку ей на ладонь. Из-под его рукава выглянула неровная красная линия. При виде нее девочка перестала переживать об улитке Фредрике. Царапины и синяки, которые мальчик так старательно прятал, выгоняли из головы все мысли. Место оставалось только для него.

Девочка сделала то, что делала всегда, когда замечала его раны. Наклонилась и поцеловала его ладонь — совсем рядом с царапиной, но не касаясь ее, — и прошептала:

— Поцелуй идет туда, куда нужно.

Мальчик кивнул и сказал то, что всегда говорил:

— Мне уже лучше.

Как и у всех мифов и легенд, у этой истории нет четких очертаний. Между исчезновением улитки Фредрика и отъездом мальчика, который дал ей имя, могло произойти множество вещей. Может, учитель заметил синяки и сообщил куда следует. Может, это был дядя мальчика. Может, и то и другое.

Важно, что вот вроде вчера еще мальчик и девочка были королем и королевой Улиткограда. А сегодня мальчик, стоя под дубом, сложил руки на груди, посмотрел подбитым глазом на девочку и произнес:

— Мне надо идти.

Девочка вскочила на ноги, совсем позабыв про улиток.

— Но почему?

Мальчик не хотел говорить, но все равно сказал:

— Я уезжаю. Буду жить с дядей.

Девочка не понимала — не до конца, — поэтому сделала единственное, что могла: она заплакала. А затем, все еще рыдая, обвила руками его шею.

Ведь они были правителями Улиткограда. Лучшими друзьями. Кто будет целовать его руки, чтобы ему стало лучше, если ее не будет рядом? Кто найдет улиток, которых она потеряла?

— Но почему тебе надо уезжать? — всхлипывая, спросила она.

Мальчику не нравилось смотреть, как девочка плачет, поэтому он сделал единственное, что мог: он пообещал невозможное и обнял ее в ответ.

— Не знаю, — сказал он. — Просто надо. Но мы всегда будем друзьями. Обещаю. Когда мы станем большими, я тебя найду.

— Насколько большими? — спросила девочка, уткнувшись ему в шею.

— Наверное, очень большими, — ответил мальчик. — Когда нам будет восемнадцать.

Восемнадцать — такое огромное, далекое, невозможное число. Но девочка кивнула.

— Правда обещаешь? — спросила она.

— Да, — сказал мальчик. — Правда обещаю.

И они росли, физически далеко друг от друга, но — чаще, чем сами это осознавали, — мысленно вместе.

И хотя они росли, и менялись, и стали совсем не похожими на правителей Улиткограда, хотя их планеты кружились на разных орбитах, девочка никогда не забывала мальчика, а он никогда не забывал ее.

ГЛАВА 1

Нова

Я привыкла, что на меня глазеют, особенно в таких маленьких школах. И я не тупая: знаю, что внимание на меня обращают не из-за моей неземной красоты и не потому, что в меня скоро влюбится местный вампир. Я лишь звено, выбивающееся из цепи, нечто новое.

Людям свойственно повторять шаблоны. Наверное, поэтому мы сумели выжить: соображали, что вот *этот* мамонт как-то странно пахнет. Вряд ли понимали *почему*, но все же не пытались его съесть.

Я лишь временное нарушение привычного порядка, не более. И сейчас все пытаются решить, стоит ли меня съесть или лучше оставить в покое.

Но я знаю *их* шаблоны. Да, я пробыла здесь всего десять минут, но все школы похожи одна на другую. С детского сада я перевидала их так много, что и не сосчитать. Спасибо маминной работе бухгалтером, из-за которой мы постоянно переезжаем. Мама приходит к очередному клиенту и уничтожает проблему с помощью электронных таблиц и прогнозов, затем собирает все обратно по кусочкам, и мы едем дальше. Однажды мы задержались на одном месте на целых два года — когда она работала на какую-то крупную авиакомпанию, — но я была такой маленькой, что почти и не помню то время.

Почти.

Я в одиннадцатом классе, и это моя *шестая* старшая школа. Возня с документами — сущий кошмар, но, оказывается, если оценки у тебя приличные, а мама — волшебница бумажной волокиты, то вполне можно быть подростком-бродягой, который попробовал почти две дюжины разных школьных пицц. (Спойлер: на вкус они совершенно одинаковые.)

Это тоже часть шаблона. Первый вопрос, который мне задают, когда узнают, кто я и насколько тут задержусь: «Разве не ужасно так часто переезжать?»

И я каждый раз отвечаю совершенно честно: «Совсем нет».

Не жизнь, а мечта на самом деле. Я могу быть кем захочу безо всяких последствий, ведь ставки настолько низкие. Ошибиться в расчетах и полгода выставлять себя дурой в кружке комедийной импровизации? Ну и что. К летним каникулам меня уже забудут. Весь семестр одеваться в стиле коттеджкор и лишь под конец осознать, что я ужасно выгляжу в рюшах? Ничего

страшного. Меня даже не будет на классной фотографии. (Котеджкор, кстати, был отвратительной идеей. Зима в Цинциннати совсем не подходит для легких кофточек и пышных юбочек.)

Конечно, было бы здорово задержаться на одном месте и обрести друзей, которые не исчезнут через месяц-другой после переезда на новое место, в новую школу, новую компанию, в которую я завернусь, как в кокон, чтобы потом вылететь из него неприкаянной бабочкой, обреченной вечно порхать от одного социального круга к другому и никогда не приземляться. Но я привыкла. Иногда мне даже нравится: не нужно переживать, насколько я подхожу людям вокруг, потому что вскоре они сменятся другими. Меньше друзей — значит меньше прощаний. Это хорошо. Правда.

Но вернемся к шаблонам.

Заходя в столовую — это самое важное событие для новеньких, — я понимаю, что меня оценивают, но впервые не продумываю, кем хочу показаться, какой реакции жду от них.

Я не хочу никакой реакции. Я вообще не хочу, чтобы меня замечали.

Потому что эта остановка будет самой короткой — меньше двух месяцев — и я не собираюсь примерять новые маски. Отчасти из-за того-о-ком-нельзя-думать из прошлой школы под Сизтлом. Я все еще собираю осколки разбитого сердца, и мне некогда придумывать, какую Нову Эванс я примерю следующей.

А еще — самое важное — потому что я *устала*. Никогда раньше я не пыталась просто плыть по течению в школе, просто существовать, быть собой, кем бы эта «я» ни была.

Господи, как банально звучит.

Но за порогом университет, и если я не пойму, кем хочу быть, куда хочу двигаться, то так и продолжу ломать шаблоны — только в плохом смысле.

Мама была первой, кто получил высшее образование в нашей семье. Дедушка с бабушкой даже школу не окончили — бросили на последнем году. Для мамы образование всегда было очень важным.

«Мне все равно, куда ты поступишь, — говорила она. — Главное — закончи и получи диплом, который обеспечит стабильный доход».

На стабильном доходе я и спотыкаюсь. Потому что, насколько я могу судить, мои сильные стороны — это хамелеонить от школы к школе и каждый раз одинаково упаковывать вещи в коробки (если я вообще успеваю распаковать их после переезда).

Откуда мне знать, что а) сделает меня счастливой и б) может заработать деньги, если я даже не понимаю разницы между тем, что мне по-настоящему нравится, и тем, что я просто примерила, или тем, чем занималась, чтобы не выделяться из толпы?

В прошлом году я ходила на день карьеры, где директор толкала речь в дешевый фونهاющий микрофон. Ее трудно было расслышать в шуме толпы, но последняя фраза прозвучала четко и ясно: «Быть может, у вас не получится превратить хобби в карьеру, но если вы поймете, что в вашем хобби привлекает вас больше всего и что вас зажигает, то яснее увидите путь, по которому вам стоит идти в своей жизни».

Из хаотичных мыслей меня вырывает осознание: слишком много глаз уставились на мой прикид — джинсы, футболку из книжного в Мичигане, где я была один раз, и суперудобные, но неподходящие для спорта кроссовки, оставшиеся со времен моего увлечения спортивным стилем три школы назад.

И хотя следующие два месяца я решила просто существовать, сейчас мне нужно куда-то сесть. Мне прекрасно подошел бы одинокий уголок, но столовая слишком маленькая. К длинным узким столам пододвинуто множество не сочетающихся друг с другом стульев — небогатая инфраструктура школы пытается уместить в себя всех учеников. А значит, мне негде спрятаться и некуда приткнуться, не создавая этим повод для обсуждений.

В конце концов я оказываюсь на дальнем конце стола, за которым сидят футболисты. Надеюсь, это считается как послание «я не хочу мешать». Спортивные куртки и манера держаться, словно они боги школы, — это еще один предсказуемый шаблон, и местные футболисты не исключение. Такие же громкие и буйные, даже подносами о стол стучат сильнее. На шум никто не обращает внимания, хотя я и замечаю парочку человек, которые смотрят на футболистов, словно замороженные жизнью знаменитостей. Одна девочка, кажется, подходит ближе, будто комета, притянутая гравитацией планеты, но быстро меняет траекторию и исчезает.

На самом деле славно, что, где бы я ни была, спортсмены — короли. Хоккеисты, баскетболисты, футболисты — неважно.

Собираясь в столовых в группы, они ведут себя одинаково, а вокруг них всегда вьются фанаты.

Но хотя бы они не будут со мной разговаривать — и слава богу.

Может, они и обратили бы на меня внимание, если бы я надела свой сексуальный летний наряд, как две школы назад, но сейчас меня для них не существует.

Я моментально представляю, как пройдут следующие два месяца. Во время обеда я буду читать книгу или сидеть в телефоне. На переменах — здороваться с парочкой человек, которые сочтут меня достаточно интересной для короткого разговора. В остальном буду просто существовать, сидеть на уроках и уходить домой, чтобы... Дальше я не придумала, но, чем бы я ни занималась, я буду делать это в одиночестве, пока мама заканчивает свой двенадцатичасовой рабочий день.

Я так отчетливо все вижу — сама мысль об этой рутине даже успокаивает. Просто плывешь по жизни, пытаешься разобраться в любимых занятиях и своем призвании. Я едва замечаю, что кто-то садится рядом.

Поначалу я на него толком и не смотрю. Да, он симпатичный, но мало ли симпатичных парней вокруг. Он не выбивается из шаблона. Типично привлекательный: вьющиеся темные волосы, карие глаза, высокий рост, широкие плечи, которые, наверное, отчасти такие от природы, а отчасти — результат тренировок с гантелями.

Я уже готова отвернуться, когда он улыбается в ответ на фразу одного из футболистов, и я замираю. Есть что-то в его

улыбке, в том, как растягиваются губы, от чего через каждую клеточку моего тела словно проходит электрический разряд.

Это чувство для меня почти в новинку. Ему нет места в беспорядочной жизни между местами и людьми, которых я никогда больше не увижу.

Узнавание.

И вот так, за одно мгновение, все планы, все маски, все версии моей личности улетают в пропасть, а меня, цепляющуюся пальцами за землю, за крупинки в песочных часах, тащит сквозь пространство и время под старый дуб, к поломанному деревянному забору между нашими домами и яме с улитками, которую мы называли Улиткоградом.

Сэм Джордан.

Я сказала, что почти не помню детство, так вот, он — то самое «почти»: то, что я помню из жизни, когда мы с мамой еще не путешествовали от места к месту, от школы к школе.

Сэм. Сэмми. Когда мне хотелось его подразнить, я называла его Сэмюэл. Я вспоминала его все эти годы. Пару месяцев назад, когда парень из Сиэтла разбил мне сердце, я даже спросила маму про Сэма. Спросила, не помнит ли она мальчика за забором под дубом.

Было редкое утро, когда мы завтракали вместе. Обычно мама ест, не отрываясь от работы, в любом уголке, который сумела приспособить под офис, но тем утром мы стояли по разные стороны барной стойки и пластиковыми ложками ели йогурт.

— Кого? — переспросила мама. Ее голос прозвучал странно, чуть выше обычного, но у нее такое бывало.

— Сэма, — повторила я. — Моего друга. Он переехал, когда я была маленькой. Жил по соседству. Мы катались на велосипедах и играли в грязи рядом с домом, помнишь?

— А, да, — кивнула мама. Она едва меня слушала, соскребая остатки йогурта со стенок упаковки. — Он еще до нас уехал, да?

— Да, — сказала я, думая о нашем «правда обещании». — Все так.

Но если мама и вспомнила о царапинах и синяках, то ничего не сказала. Я видела, что она вообще не придавала значения этому разговору.

Она не знала, что я думаю о Сэме каждый раз, когда вижу дерево с огромной кроной, или улитку, или разбитый глаз. Да и откуда ей знать? Я и сама многое забыла.

Но сейчас, глядя на него, сидя рядом с ним, я вспомнила. Я словно оказалась в самом воспоминании, шагнула в прошлое.

Даже спустя годы, за многие километры от того места я ощутила, каково это было. Что я почувствовала в тот момент, когда он наткнулся на меня, ковыряющую палкой гнилой забор. «О, вот ты где».

Не могу описать это словами, но тогда я почувствовала себя в безопасности. Тот момент был... монументальным. Важным.

И все это вернулось ко мне — эмоции пятилетней девочки, которые кажутся такими неуместными в семнадцать.

Наконец Сэм поднимает на меня взгляд. Мы смотрим друг на друга.

Нас разделяют какие-то сантиметры. Мы сидим так близко, что я могу совместить лицо Сэма из моих воспоминаний с ли-

цом Сэма передо мной. Он уже не маленький мальчик, но я помню этот нос, эти скулы и особенно эти глаза.

На секунду его лицо меняется, и я пытаюсь понять, узнал ли он меня. Горит ли он воспоминаниями, как я?

Его губы медленно растягиваются в улыбке, уголки приподнимаются. Я задерживаю дыхание, жду, вспомнит ли он. Жду «правда обещания».

А затем Сэм Джордан, король Улиткограда и человек, которого я по сей день считаю своим лучшим другом детства, открывает рот и с типичной спортсменской улыбкой говорит:

— Можешь подвинуться, чтобы моя девушка села рядом со мной?

ГЛАВА 2

Сэм

Со странным выражением лица новенькая толкает поднос к противоположному краю стола и бурчит:

— Конечно.

Я не успеваю подумать о ее поведении. В словно отрепетированном танце на освободившееся место присаживается Эбигейл.

— Сэмми, — улыбается она.

— Эбби. — Я улыбаюсь в ответ.

Я все еще не придумал, как сказать ей, что не люблю, когда меня называют Сэмми. Это напоминает мне о детстве, о том, что было *до*. Мне не нравится вспоминать то время, честно говоря. Но сейчас уже поздно начинать этот разговор. Странно будет, особенно после того, как она месяцами называла меня

так в социальных сетях и в записках, которые передавала на уроках.

Господи. *Месяцами.*

Мы стали встречаться в конце прошлого учебного года, после того как бойфренд бросил ее прямо перед выпускным. Мне было ее жаль, и в последнюю минуту я предложил ей пойти со мной, тем более что у меня пары тоже не было и пригласить ее казалось правильным: все-таки этот идиот из другой школы изменил ей.

Так что не буду ее расстраивать, тем более из-за такой мелочи. Эбигейл — это постоянство, человек, которого я вижу на каждом уроке, на каждом матче, и я знаю, еще до того как посмотрю на нее, что она будет мне улыбаться. Быть с ней легко. И я отказываюсь вести себя как тот идиот, который ее бросил. Есть у меня пунктик: я не причиняю людям боль. Никогда и ни при каких обстоятельствах.

Сидя рядом, Эбигейл накручивает на пальцы хвостик. У нее такие длинные волосы. На матчи она делает высокий чирлидерский хвост, и ленточка почти всегда развязывается еще до перерыва. Я замечал это с поля во время последних трех игр.

— Так, бал выпускников, — говорит Эбигейл, открывая ланч-бокс. Он похож на сумочку. Зачем делают такие? Не понимаю. — В каком цвете я тебе больше нравлюсь?

Я моргаю.

— Нам разве не нужно быть в школьной форме?

Эбигейл смеется, будто услышала самую смешную шутку в мире.

— Сэм. Это для бала. Я понимаю, что мы живем в Техасе, но нам можно надевать что-то кроме формы и джинсов. По крайней мере иногда. Так какого цвета платье мне искать? Мы с мамой после школы поедem по магазинам.

От одного упоминания миссис Шепард желудок словно наполняется чем-то черным и липким, как деготь. Так происходит всегда, когда при мне говорят о нормальных вещах вроде шопинга или праздников. Что абсолютно по-свински с моей стороны, потому что, прежде всего, миссис Шепард относится ко мне исключительно хорошо. Накладывает добавку, когда я прихожу в гости, и постоянно называет меня «сокровищем».

А еще этот деготь внутри вызывает у меня чувство вины, потому что дядя Кит и тетя Дон — это лучшее, что со мной случилось. Я много лет называю их мамой и папой. Однажды, вскоре после того, как я стал с ними жить, я позвонил тете, чтобы она забрала меня из новой школы, и случайно назвал ее мамой. Ее голос был настолько счастливым, что я продолжил обращаться к ней так. Меньшее, что я мог для нее сделать.

Называть их мамой и папой мне даже проще, чем тетей и дядей. Не приходится объяснять, что они не мои настоящие родители, если я того не хочу. Мне вообще ничего не нужно объяснять.

Никто не знает о моем «до». Все знают только эту версию меня, мое «после».

Эбигейл хватает меня за руку, возвращая в настоящее.

— *Лимузин*, — говорит она. — Мы же с ними поедem, да?

Я пропустил весь разговор, но, осмотрев сидящих вокруг, по одному взгляду Лиса — моего лучшего друга и обладателя то ли самого удачного, то ли самого неудачного футбольного прозвища — все понял. Все они ждут бал выпускников, а я... нет.

Что, опять же, по-свински. Разумеется, Эбигейл должна быть в восторге от возможности нарядиться и пойти на бал со своим парнем. Это я тут сломанный, а не она.

Лис вновь многозначительно на меня смотрит, так что я порочиваюсь к Эбигейл и улыбаюсь. Я точно знаю, как выгляжу, когда улыбаюсь. Практиковался перед зеркалом.

— Лимузин — это классно, — говорю я.

Она опять визжит. Она всегда такая позитивная, такая уверенная в том, чего хочет, и ей легко выражать свои чувства. Раньше ее визги казались милыми, но в последнее время мне от них грустно, потому что я тоже пробовал изображать бурную радость, но, как бы ни старался, это все равно выглядит фальшиво.

Эбигейл заслуживает лучшего.

И я хотел бы ей об этом сказать, но так, чтобы она меня не возненавидела, чтобы не показаться козлом, как ее бывший. И, может, это эгоистично, но чтобы я не возненавидел сам себя.

Что ж, привычка держать язык за зубами — неизменная часть моей жизни. Например, я вообще-то не особо люблю футбол. Не потому, что у меня плохо получается — совсем наоборот, — а потому, что занимаюсь им по привычке, или потому, что все вокруг твердят, какой я талантливый, вот я и продолжаю играть.

Киваю и улыбаюсь, когда папа и тренеры рассказывают об университетских скаутах, о стипендиях и «моем реальном шансе стать профессионалом». Улыбаюсь натренированной улыбкой, когда рекрутер замечает на холодильнике фотографию, где мы с Эбигейл стоим в футбольной и чирлидерской формах, и говорит что-то вроде: «Университеты любят настоящих американских парней, нет ничего более истинно американского, чем мальчишки-футболисты и девочки-чирлидерши».

Я прячу эту информацию глубоко в сердце, а рекрутер берет на заметку мои школьные отношения и делает запись в важной анкете, на основании которой меня будут сравнивать с другими кандидатами, другими игроками — с теми, кто вместо меня может получить полную спортивную стипендию.

Так что назад дороги нет. Я не могу бросить ни Эбигейл, ни футбол. По отношению к Эбигейл это будет несправедливо — что бы я там ни думал об «истинно американском». Я не могу расстаться с ней перед балом выпускников, который она так ждет. *Особенно* после того, как ей разбили сердце перед предыдущим балом. А после бала выпускников будет зимний бал, а потом День святого Валентина, а потом, а потом, а потом...

Иногда она рассуждает, что мы поступим в один университет или будем поддерживать отношения на расстоянии, и если я все равно плыву по течению, то могу и остаться с Эбигейл, тем более что она замечательная.

Ну а бросать футбол — это просто смешно. Представляю разговор с родителями или тренерами: «Ребята, спасибо, что все эти годы тратили тысячи долларов на лучшие бутсы, щитки

и частные уроки. И огромное спасибо, что устраивали мне встречи с университетскими скаутами. Однако я больше не буду этим заниматься, если вы не против».

Какой же я козел, что вообще об этом думаю.

Я сижу рядом с объективно красивой девушкой, которая пишет мне любовные записки, за столом с хорошими людьми, которые называют меня другом... Какое я имею право жаловаться?

Никакого.

Так что я беру себя в руки. Забываю про липкое чувство в животе и напоминаю себе, что живу хорошую жизнь. Даже замечательную.

Лис шутит, что кружок пеперони на его пицце похож на нашего тренера, и я смеюсь. Почти искренне.

* * *

Нова

Девушка за последней партой в классе испанского отрывает взгляд от книги и улыбается мне.

— Тут занято? — спрашиваю я, указывая на место рядом с ней.

— Теперь да. — Она опять улыбается. — Новенькая?

— Ага, — говорю я, готовясь к худшему. Девушка выглядит дружелюбной, а значит, наверняка начнет задавать мне миллион вопросов, на которые придется отвечать.

Однако она меня удивляет:

— Клево. Прости, если покажусь грубой, но мне осталось дочитать буквально страницы три, и я хочу закончить до начала урока. Хорошо?

— О, конечно, — говорю я. — Читай.

— Спасибо. — Она неловко машет мне пальцами свободной руки, другой придерживая страницу, и возвращается к чтению.

Я решаю, что эта девушка мне нравится. Да, эта школа — лишь небольшая остановка на моем пути, я не собираюсь пускать тут корни, но моя новая соседка выглядит неплохим вариантом для неглубоких отношений. Человек, с которым я могу комфортно посидеть рядом, притворяясь, что мы общаемся, но при этом каждая из нас будет заниматься своим делом.

Мне остается лишь найти свое дело.

Что вряд ли произойдет, если мозг продолжит делать то, что делает: постоянно проматывать сцену за обедом, словно зависшее видео.

Клянусь, я увидела в глазах Сэма вспышку узнавания. На короткую секунду мы оба оказались в промежутке между столовой и старым дубом. А потом он взглянул на меня как на незнакомку. Как на пустое место. Может, оно и к лучшему. Потому что мне *очень* надо разобраться, кем я хочу быть, чтобы поступить в нужный университет, и выбрать правильное направление, и не тратить свое время и мамины деньги, блуждая в потемках.

Несмотря на выходящие из-под контроля мысли, урок проходит как обычно — слава богу, мне не предложили, как часто бывает, представиться и рассказать о себе забавный факт. Меня практически полностью игнорируют, что идеально. Только

моя новая соседка — я узнала, что ее зовут Холли, — иногда наклоняется ко мне и шепотом подсказывает нужное слово или правильную формулировку. Она успела дочитать книгу до начала урока и принялась за следующую, пряча ее под партой. Мистер Меса, наш учитель, пытается ее подловить, но на любой его вопрос она отвечает правильно.

Я смотрю, как Холли бесшумно переворачивает страницу, мистер Меса бубнит что-то про спряжения, как вдруг раздаётся стук в дверь.

В класс входят трое учеников. Один держит в руках папку с зажимом для бумаг, другой вкатывает портативную зарядную станцию для планшетов, третий сжимает ручку — единственное, что придает хоть какую-то законность явно хитроумной попытке прогулять урок.

— Мистер Меса, мы из совета старшеклассников и пришли провести опрос для благотворительной акции «Симпатия».

— Мистер Меса, мы из совета старшеклассников и хотим провести тест под названием «Краш» в целях благотворительности. Это займет не более десяти минут. — Это говорит девушка, которая сидела с Сэмом за обедом. Она передает учителю записку. — Из канцелярии. Собирают деньги на новый сельскохозяйственный амбар.

Мистер Меса едва бросает взгляд на записку и ленивым жестом приглашает их войти.

— Да-да, — говорит он. — Я читал письмо.

Улыбка у девушки Сэма искренняя и скромная. Хотя какая-то часть меня хотела поддаться ненависти при виде их с Сэмом

в столовой, я ничего такого не испытываю. Сэм выглядел вполне нормальным, лишь иногда немного отстраненным. Наверное, просто устал и проголодался. Он улыбался, когда она на него смотрела, хотя улыбка и не добиралась до его глаз; смеялся над ее шутками... Надеюсь, он счастлив.

Стоя перед доской, девушка хлопает в ладоши и поворачивается к классу:

— Отлично. Если вы не слышали, мы проводим «Краш»-тест. Чтобы все получилось, каждому нужно пройти личностный тест, даже если вы не планируете покупать результаты. Тест проходите онлайн, а затем сегодня после школы сможете залогиниться с помощью кода, который мы вам предоставим, и купить доступ к результатам. Алгоритм «Краша» выдаст список самых подходящих вам людей из школы на основании ваших ответов.

Она замолкает и шевелит бровями, а парень со станцией начинает раздавать нам школьные айпады.

— Я, конечно, обязана вам сказать, что результаты теста предоставляются исключительно в развлекательных целях и нужны для того, чтобы найти подходящих по интересам друзей. Что-то вроде дружеского краша. — Ее улыбка становится хитрее. — Но-о-о мы не можем проконтролировать, что вы будете делать с предоставленной информацией. Не забывайте, что совсем скоро бал выпускников, и, если у вас до сих пор нет пары, это хороший шанс узнать, с кем вы лучше всего проведете время!

Мистер Меса недовольно кряхтит из-за своего стола, однако девушка Сэма продолжает:

— Так вот, сейчас вы пройдете тест, а потом не забудьте залогиниться и заплатить десять долларов, чтобы узнать, кто ваш потенциальный краш. Вся прибыль пойдет на новый амбар, так что вы совершите доброе дело. О, и не забудьте записать код доступа, когда закончите. Он нужен для просмотра результатов.

Ученики начинают стучать пальцами по планшетам — им не приходится даже задумываться об ответах. Они видят вопрос вроде «Вы жаворонок или сова?» и тут же выбирают подходящий вариант. Им не нужно копаться в своих двух предыдущих личностях, одна из которых вставала рано утром, чтобы бегать, а другая до поздней ночи играла в настолки. Не нужно думать, какая из этих личностей настоящая.

И это еще простой вопрос! В тесте полно утверждений вроде «Я ценю дружбу больше, чем успех в делах» и «Мои друзья считают меня добрым человеком», которые нужно оценить по шкале «совершенно согласен» — «нейтрально» — «совершенно не согласен».

И мне совсем не помогает тот факт, что девушка Сэма Джордана, чирлидерша, богиня во плоти, стоит у доски и разглядывает нас со скучающим видом, явно желая поскорее закончить и двинуться дальше.

Она даже не смотрит на меня, а я чувствую, как горят мои щеки. Пускай она и понятия не имеет, кто я такая, — я знаю ее парня.

Что за глупая мысль. Он явно меня даже не узнал. Если судить по детским фотографиям, которые мама всегда развешивает на стенах наших временных жилищ, я не сильно

изменилась за эти годы: круглые щеки, круглое тело — детский жирок превратился в жирок подростковый. Кожа все такая же бледная (если не считать веснушек), глаза такие же карие. Волосы остались непонятного блондинисто-коричневато-рыжеватого оттенка — в зависимости от освещения. Ну, кроме того театрального периода, когда я покрасилась в платиновый блонд. Но даже моя театральная персона не обладала достаточной целеустремленностью, чтобы так часто ходить в парикмахерскую.

Моя внешность намного ближе к изначальному варианту, чем то, что происходит внутри.

Неужели Сэм меня совсем не узнал? Даже в глубине души не понял, что это я? Помнит ли он хоть что-нибудь, рассказывал ли своей девушке о моем существовании?

Конечно нет. За обедом он посмотрел сквозь меня и не сказал ничего, кроме вежливого «Уйди, пожалуйста, моя гораздо более привлекательная девушка хочет сесть рядом со мной». (Последнюю часть я приукрасила, но все равно.)

В конце концов я отвечаю на вопросы теста, руководствуясь то ли интуицией, то ли страхом, что окажусь последней сдавшей планшет. Как в бреду, я стучу по экрану все быстрее и быстрее, стараясь подавить панику от мысли, что я совсем себя не знаю. У меня нет ни догадок, ни выбранного направления, и, господи, почему в школах всегда либо жутко холодно, либо — как сейчас — адски жарко?

Лучше бы этот тест объяснил мне, кто я, что у меня хорошо получается и чем мне заниматься в свободное время. Выдал бы

что-нибудь полезное, а не дурацкие мэтчи. Но, прежде чем я умудряюсь упасть в самую пучину отчаяния, я напоминаю себе, что над этим я и собираюсь думать следующие два месяца.

Идеальное время, чтобы взять паузу, изучить себя, понять, чего я хочу, кем хочу стать. Информации у меня полно: за эти годы я перепробовала множество хобби, примерила множество ролей. Нужно только отсеять ненужное, пока не останется самое ядро, которое можно сформулировать в двух абзацах для университетов — ну и для себя.

Может, и хорошо, что Сэм меня не узнал. Это только мешало бы процессу, а времени у меня немного. Нужно во всем разобраться до поступления в университет.

Да, встреча с Сэмом — это неплохая встряска, но в корне ничего не меняет.

Ничего серьезного. Просто случайность.

Сдав планшет, я отпрашиваюсь в туалет. Мистер Меса окидывает меня подозрительным взглядом. Не знаю, почему учителя считают, что мы ходим в туалет хулиганить, а не, ну, писать, но я вижу, как мистер Меса оценивает меня, пытается по моему лицу понять, стану ли я курить или рисовать на кабинках маркером.

К счастью, меня отпускают. Писать я не хочу, а вот ополоснуть руки и размять ноги будет неплохо: поможет справиться с остатками легкой паники, охватившей меня во время теста.

В оцепенении я прохожу два коридора и осознаю, что не имею ни малейшего понятия, где находятся туалеты. Интуиция

подсказывает, что они должны быть вот за этими классами, но я не вижу вывесок или питьевых фонтанчиков и не слышу плеска смываемой воды.

Уже собираюсь развернуться и пойти обратно на урок, прежде чем заблужусь окончательно, как рядом со мной открывается дверь, и я отпрыгиваю в сторону, чтобы не получить по лбу. Выходящий, должно быть, это заметил, потому что бросился ко мне — чтобы не дать упасть? извиниться? — но становится только хуже.

Начинается неразбериха — такая, где ударяются локтями и получают больше синяков, чем если бы мы просто замерли на месте. Мы отчаянно пытаемся распутаться, словно персонажи из мультлика, приклеившиеся друг к другу жвачкой. Победу одерживает гравитация, сила, которой мы не можем противостоять, и мы едва не валимся на пол. К счастью, он удерживает нас обоих на ногах, уверенно схватив меня за плечи. Холодный рукав его спортивной куртки прижимается к моему локтю.

— Прости, — говорит парень. — Я не хотел. Надо мне было посмотреть, куда иду, но я не думал, что в коридоре кто-то будет...

Его голос, голос Сэма — потому что, конечно же, это он, — замолкает. Сэм смотрит на меня почти так же, как в столовой, но я не собираюсь обманываться дважды. Он просто растерялся. Я лишь помеха, нечто новое в рутине, и он пытается понять, что я, а не кто я.

Он меня не помнит, и это *нормально*.

— Ты за нашим столом на обеде сидела, да? — спрашивает он. — Новенькая?

Улыбка Сэма обманчива — идеальная на первый взгляд, если не знать, куда смотреть. Но я знаю. Что-то не так в его глазах. Взгляд осторожный. Опасливый.

Мне тут же хочется заставить его улыбнуться. По-настоящему улыбнуться. Как эгоистично. Нужно оставить его в покое, позволить вернуться в свой привычный мир, а не совать палки в колеса и напоминать о том, кто я такая и кем мы были.

Когда мы еще дружили, жизнь Сэма распадалась на куски. Он был... не могу подобрать слово. Поэтому он имеет полное право забыть обо всем. Даже обо мне. Даже об Улиткограде и нашем дереве. Если это помогло ему исцелиться, кто я такая, чтобы все портить?

Сэм моргает, явно ожидая ответа от странной новенькой, которая слишком долго молчит.

— Да, привет, — говорю я, твердо решая, что не буду ни о чем ему напоминать. — Я просто искала туалет.

Клянусь, что-то в его лице меняется. *Клянусь*. Улыбка больше не притворная — она пропадает совсем. Он щурится на меня, будто пытается высмотреть что-то в тумане, и я отменяю свое твердое решение так же быстро, как его приняла.

Сэм продолжает щуриться:

— Я тебя знаю?

По коже пробегает мороз. Не знаю, куда подевалась моя кровь, но она точно утекла из рук и ног, потому что им внезапно становится холодно.

— Я новенькая, — говорю я, сжимая и разжимая кулаки, чтобы согреть пальцы. — Сегодня мой первый день.

Сэм все смотрит на меня сверху вниз, и теперь, когда он *может* меня узнать, я вдруг паникую.

— А до этого, — говорит он, — где ты жила? Откуда приехала?

— Из Сиэтла, — отвечаю я. — Ты там бывал?

Вновь что-то меняется в его лице, но слишком быстро, не уловимо.

— Да, кстати, бывал. В этом году ездил посмотреть на «Хаски».

Теперь я шурю:

— Что, собак любишь?

Он смеется внезапно, громко. Тут же замолкает, пока эхо не разнеслось по пустующему коридору.

— Это футбольная команда. — Он улыбается. В этот раз улыбка почти трогает его глаза. — Вашингтонского университета.

— Значит, не любишь собак? — дразню его я. Как приятно ему улыбаться.

— Не особо.

— Тогда кошек?

Он все еще улыбается:

— Я скорее по комнатным растениям, хотя мне даже их лучше не доверять.

Мне нужно идти. Мне давно пора идти. Мистер Меса точно начал думать, что я залипаю в телефон, сидя в туалете.

Но если это последний раз, когда я вижу Сэма... А я уже буквально в шаге от того, чтобы просто сказать ему, кто я. Разве лишний сантиметр что-то изменит?

— Футбол, значит, любишь?

Его голос звучит удивленно, напряженно:

— Что? Почему ты спрашиваешь?

Я поднимаю руки, словно сдаваясь:

— Ну, ты ездил в самый Сизтл, чтобы посмотреть на команду, и... — я указываю на его куртку, — ты, очевидно, играешь, так что...

Сэм, похоже, собирается с мыслями. У него такой вид, словно он считает в уме.

— Я хорошо играю, — отвечает он. — Мною интересуются скауты.

Последнее было сказано без толики хвастовства, но и без радости или гордости... вообще без эмоций.

Так, будто это неоспоримый факт.

Я переминаюсь с ноги на ногу, глядя в пол.

— Надеюсь... надеюсь, ты счастлив, — говорю я. Господи, как зловеще это прозвучало. Он меня не помнит. Для него я просто новенькая, стою тут в коридоре и мешаю ему... — В смысле... — Я заставляю себя посмотреть Сэму в глаза. — Просто... Ты кажешься хорошим парнем. Надеюсь, в жизни у тебя тоже все хорошо.

Окей, мы перешли от хоррора к поздравительным открыткам. По крайней мере, у него есть предлог по-быстрому закончить наш разговор. Я веду себя явно странно, обо мне не стоит беспокоиться, не стоит думать, хотя Сэм все еще пристально меня разглядывает.

— Ты меня не знаешь, — говорит он. Голос его самую малость напряжен — мол, что это за девчонка, — и он прав.

Я пожимаю плечами и мысленно выдыхаю: похоже, он от меня отмахивается, и это хорошо. Это к лучшему.

— Я много людей встречала, — говорю я в надежде, что этого объяснения достаточно.

Делаю шаг назад, в сторону класса мистера Месы. Я должна быть там, а не здесь, с Сэмом.

Сэм шагает ко мне, но тут раздается звонок на перемену. Как долго мы тут стояли?

— Ты уверена, что мы не...

Закончить предложение он не успевает: дверь, из которой он вышел, вновь открывается, и коридор наполняется шумом, рюкзаками и объявлениями по школьным динамикам.

Мы расходимся так же быстро, как сошлись, словно планеты, пролетающие мимо друг друга.

Радуйся, что удалось его увидеть, говорю я себе. Я читала, что некоторые планеты встречаются раз в сотню лет. Как нам повезло, что мы с Сэмом встретились дважды.

Этого достаточно. Должно быть достаточно.